БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

Подписка, статьи и письма принимаются въ конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и комп. въ Москвѣ, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

1858. № 17.

Подписная цѣна въ Москвѣ и съ пересылкою въ другіе города 5 руб. серебр. въ годъ; «Библіогр. Записки» выходятъ 15 и 30 чиселъ каждаго мѣсяца.

ЗАПИСКИ

Н. С. СЕЛИВАНОВСКАГО. (*)

Любопытнѣйшія свѣденія заключаются въ наше время не въ печатномъ и изданномъ, а въ рукописяхъ сберегаемыхъ: вотъ лучшее объясненіе, почему я рѣшился подденно записывать все замѣчаемое. Начиная разсказъ съ 1842 года, не ограничиваюсь современнымъ, а повѣствую включительно о 19 столѣтіи, съ начала его, какъ придется и вспомнится.

Много любопытныхъ бумагъ и документовъ достались мнѣ отъ батюшки, человѣка неученаго, но природно-умнаго и образованнаго самоучкою. Онъ былъ сынъ крестьянской Измайлова, извѣстнаго своею жестокостію; въ приложеніяхъ моихъ есть записка изъ дѣла уголовнаго, въ сенатѣ о немъ производившагося, гдѣ можно видѣть многое,........................ Село Дѣдново принадлежало Измайлову; домъ его въ Москвѣ былъ въ переулкѣ у Варсонофьевскаго монастыря, принадлежитъ теперь Мальцову, съ садомъ древнимъ. Село Дѣдново и сосѣдственныя Люберцы и Бѣлоомутъ населены, говоритъ преданіе, во времена Іоанна Грознаго ссыльными новогородцами. Этому доказательство то, что и здѣсь создали они церковь Софійскую и, подобно Новгороду, село было раздѣлено въ народѣ на пять концевъ или хоботовъ, которые при разливахъ Оки дѣлились протоками на отдѣльные острова; изъ нихъ одинъ назывался Селивановскимъ (въ Новгородѣ былъ посадникъ Селиванъ 1400 году) и былъ заселенъ преимущественно нашими родичами. Изъ крѣпостныхъ Измайлова вышелъ на волю прежде всѣхъ родныхъ, кажется, дядя отца моего, жившій впослѣдствіи и торговавшій въ Ригѣ, имѣвшій сына, человѣка образованнаго по нѣмецки, молодаго, друга отца моего, имѣвшаго па судьбу его большое вліяніе, и ему-то, въ молодости скончавшемуся, приношу благодарное воспоминаніе. Другой дядя отца, извѣстный въ Москвѣ содержатель типографіи Попомаревъ былъ — не знаю какъ — освобожденъ изъ крестьянства, имѣлъ чинъ и всегда ходилъ въ мундирномъ сюртукѣ;..............................
Отецъ былъ у него въ типографіи наборщикомъ....
....

Корректоромъ былъ, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, Евгеній, другъ отцу, жившій съ нимъ вмѣстѣ. Батюшка съ 25 рублями ушелъ отъ дяди въ Петербургъ учиться дѣлу словолитному и типографскому и на дорогѣ присѣлъ къ ѣхавшему курьеру. Онъ былъ лѣтъ 17 и ничего еще не пилъ. Скорая ѣзда на тележкѣ

(*) Печатая записки Н. С. Селивановскаго въ томъ видѣ, какъ уцѣлѣли онѣ послѣ его смерти, считаемъ нужнымъ оказать, что записки эти были только начаты (въ 1842 г.) и вскорѣ потомъ оставлены безъ продолженія. Свѣденія, передаваемыя Н. С. Селивановскимъ, любопытны, но по мѣстамъ нуждаются въ осторожной критической провѣркѣ.

по бревенчатой мостовой изнурила его до того, что въ Новгородѣ у него пошла кровь изъ ушей, горла и носа, и курьеръ, боясь, чтобы онъ не померъ и (самъ) онъ не лишился условленной платы, поднесъ ему стаканъ вина, что ободрило молодаго человѣка и подкрѣпило силы такъ, что могъ доѣхать до Петербурга. Тамъ опредѣлился онъ въ типографію нѣмца.... ученикомъ, занялся дѣломъ словолитнымъ и показалъ такіе успѣхи и прилѣжаніе, живучи въ пустомъ домѣ и питаясь ежедневно ситнымъ хлѣбомъ съ молокомъ, что хозяинъ черезъ два мѣсяца призвалъ его и сказалъ: «Вижу, что ты не простой мастеровой, а человѣкъ хорошій и умной; скажи мнѣ, чего ты хочешь учась у меня?» Отецъ отвѣчалъ, что желаетъ узнать дѣло и завести свое заведеніе, но не имѣетъ средствъ. Честной нѣмецъ обласкалъ его, отличилъ и занимался особенно его ученіемъ, такъ что батюшка скоро сдѣлался мастеромъ; затѣмъ кое-какъ воротился въ Москву, и какъ имѣлъ великую способность сходиться съ людьми, то и началъ по немножку оперяться. Будучи еще у дяди наборщикомъ, хаживалъ съ корректурами къ извѣстному писателю Петрову, который полюбилъ проворнаго мальчика и всегда ему покровительствовалъ, называя Сенюшею. Въ....году онъ заключилъ контрактъ съ книгопродавцемъ Завьяловымъ на содержаніе типографіи, которая была въ Зарядьѣ. Говорятъ, что отецъ мой былъ сочинителемъ или исправителемъ Арфаксада и Георга Милорда, но не знаю, вѣрно ли это. Весьма вѣроятно, что, будучи образованнѣе современныхъ ему типографщиковъ и имѣя нужду въ деньгахъ, онъ предпринималъ подобнаго рода предпріятія. Пріятели его были: Сопиковъ, издатель библіографіи, Масловъ Мартынъ Михайловичъ, архитекторъ, Красноглазовъ, купецъ, Розановъ, издатель лексикона латинскаго, Шапошниковъ, Невзоровъ, воспитанникъ Новикова, Макаровъ, переводчикъ повѣстей, Ситниковъ, Аверинъ Пав. Ив., побочный сынъ градоначальника Беклешова, Васильевъ Козьма Вас., купецъ, жившій въ Ригѣ.

Изъ сего можно видѣть, что разнообразное столкновеніе знакомцевъ было весьма полезно отцу моему, умѣвшему изъ всего извлекать пользу и дополнять свое образованіе умными знакомствами, чѣмъ дорожилъ всегда, и мнѣ о томъ говаривалъ, что должно со всякимъ говорить о его предметѣ для того, чтобы и самому научиться и ему понравиться.

Первая книга, напечатанная въ типографіи отца, была... (*) Дѣла его шли удачно,...............
....
Вдругъ, по случаю изданія Радищевымъ книги Поѣздки изъ Москвы въ Петербургъ, сдѣлано закрытіе всѣхъ вольныхъ типографій. О Радищевѣ стоитъ разсказать: онъ былъ довольно богатый дворянинъ, имѣлъ нѣсколько сотъ душъ, былъ человѣкъ умной во времена Екатерины, и оскорбленный по службѣ вышелъ въ отставку и написалъ свою Поѣздку, книгу, замѣчательную по самому слогу и свободѣ мыслей. Цензуры не было. Книги разсматривались при Управѣ или оберъ-полицеймейстеромъ, т. е. предъявлялись, но не читались. Въ ту пору книга была нѣчто пустое, неважное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна.

Радищевъ съ одобренною къ печати рукописью пришелъ къ отцу и отдалъ ее для изданія. Пробѣжавъ оригиналъ и понявъ всю важность его содержанія, батюшка оставилъ книгу. Является авторъ. Ему отвѣчаютъ, что книги печатать не станутъ. Тотъ разгорячился, наговорилъ грубостей, какъ дворянинъ вѣка Екатерины и авторъ, мастеровому — моему отцу; но тотъ отказался печатать и возвратилъ оригиналъ. Радищевъ смягчилъ тонъ и, распросивъ о дѣлѣ типографскомъ и имѣя деньги, рѣшился самъ завести типографію, купилъ все нужное, повезъ въ свою деревню, въ орловской или рязанской губерніи, и тамъ издалъ книгу свою, которую, не отдавая въ лавки, какъ говорятъ, разбросалъ по дорогѣ, чтобы распространить. Его взяли, судили, лишили всего, кажется, высѣкли кнутомъ (**) и сослали въ Сибирь. Типографіи вольныя, по случаю злоупотребленій, какъ гласитъ указъ, закрыты. Вспомнимъ еще одного русскаго писателя, подвергшагося той-же участи. Это Горчаковъ, авторъ Г—ды, глупой,.... поэмы, непечатанной и переведенной имъ съ французскаго. Мнѣ не случилось

(*) Въ рукописи пропускъ.

(**) Это несправедливо.

имѣть ее въ рукахъ; но, сколько слышалъ, въ ней были мѣста поэтическія. Кто-то мнѣ сказывалъ, что профессоръ Мерзляковъ однажды прочиталъ ее всю одному пріятелю и сжегъ въ печи... (Здѣсь приведены 4 стиха изъ поэмы.)

По симъ образцамъ можно судить о содержаніи и духѣ вѣка екатерининскаго, ибо направленіе писателей есть вѣрнѣйшее его изображеніе.

Оставивши сіи подробности, обращаюсь къ отцу моему. Закрытіе типографій лишило его всѣхъ средствъ. Остались только казенныя. Петровъ былъ пріятель Мордвинову, адмиралу черноморскаго флота, который ѣхалъ въ Николаевъ для устройства и желалъ завести тамъ типографію. Петровъ рекомендовалъ Сенюшу, и вотъ отецъ отправился въ Николаевъ, гдѣ и былъ нѣсколько лѣтъ смотрителемъ типографіи и любимцемъ адмирала Мордвинова, сохранившаго навсегда доброе расположеніе къ моему родителю, который въ Николаевѣ имѣлъ возможность поправить состояніе, участвуя иногда съ дозволенія Мордвинова въ казенныхъ поставкахъ. Впрочемъ тамъ онъ попался въ непріятную исторію, купивъ съ кѣмъ-то негодное желѣзо, въ числѣ котораго были проданы и пушки разрубленныя. Тамъ-же онъ подвергался опасности быть убитымъ ночью кинжаломъ однимъ туркомъ изъ ревности, который былъ подкупленъ и ранилъ отца въ животъ, слѣды чего оставались всю жизнь. Тамъ еще разъ варили на берегу лимана олифу или краску для типографіи, масло загорѣлось, поднялось и чуть не сожгло судовъ, стоявшихъ у берега. Типографія помѣщалась на главной гауптвахтѣ, гдѣ жилъ и отецъ мой.... Около пяти лѣтъ батюшка былъ въ Николаевѣ, гдѣ подружился со многими флотскими и между прочимъ съ силачемъ Лукинымъ, бывшимъ капитаномъ корабля. Онъ жилъ бѣдно; кучеръ его Илья, впослѣдствіи бывшій у императора Александра, тоже былъ силенъ. Бывало у Лукина гости, Илья привезетъ бочку воды въ сорокъ ведеръ и вызоветъ барина составить. Они двое снимутъ съ телеги бочку и бережно опустятъ на землю. Съ Лукинымъ было въ тоже время весьма любопытное происшествіе за жену его, бывшую красавицею и нѣсколько кокеткою. Лукинъ ѣздилъ въ экспедицію; за женою его ухаживалъ какой-то итальянецъ, тоже лейтенантъ или капитанъ флота и хвастался ея благосклонностію. Лукинъ воротился, слухи дошли до него, и онъ, желая придраться къ хвастуну подъ другимъ предлогомъ, разъ на балѣ у адмирала, проходя мимо его, любезничавшаго съ дамами, наступилъ ему на ногу и придавилъ всею силою. Тотъ закричалъ и вскочилъ на одной ножкѣ, началось объясненіе и назначена была по утру дуэль, а отецъ мой выбранъ Лукинымъ въ свидѣтели. Весь вечеръ Лукинъ былъ скученъ, стоялъ молча, прислонясь къ стѣнѣ, пилъ пуншъ и все не развеселялся. Дѣло стало гласно; хвастунъ, боясь встрѣчи съ Лукинымъ, пришелъ рано со слезами прощаться съ сестрою, любовницею какого-то адмирала, и матерью; они пристали къ нему. Какъ за секретъ (онъ) разсказалъ въ чемъ дѣло. Его не пустили, заперли, бросились къ начальству; Лукина, ожидавшаго на мѣстѣ, арестовали, а его противника послали куда-то въ тотъ-же день; тѣмъ и окончилось все.

Возвратясь въ Москву, батюшка занимался разными дѣлами, но преимущественно хлопоталъ о заведеніи типографіи и снялъ у бывшаго содержателя сенатской типографіи Окорокова ее по контракту съ сенатомъ. Типографія была въ ужасномъ безпорядкѣ, рабочіе отъявленные плуты и пьяницы, которыхъ, какъ казенныхъ, полиція не трогала.......... (Здѣсь нѣсколькихъ листовъ не достаетъ).... Туда сажали для протрезвленія самыхъ горькихъ пьяницъ изъ мастеровыхъ, которые къ удивленію и тамъ не просыпались, потому что товарищи, просунувъ между двери и обломавшейся у краевъ штукатурки чубукъ, поили заключенныхъ. За второю горницею была третья въ два окна въ переулокъ-же; задняя половина ея, на лѣво отъ двери, была отгорожена ширмами и составляла спальню. Далѣе угловая комната—столовая, а за нею дѣвичья и изъ сей лѣстница внизъ, темная и мнѣ недоступная. Вотъ планъ дома, сколько я зналъ его: (здѣсь нарисованъ планъ дома, въ которомъ помѣщалась типографія, близъ Охотнаго ряда.)

Въ семъ-то домѣ родился я за ширмами. Батюшка женился въ 1805 году, бывъ уже содержателемъ сенатской типографіи. Мать моя по фамиліи Шишкина

была дочь Өедора Шишкина, купца и подрядчика, отъ третьяго его брака на бабушкѣ моей Аннѣ Ефремовнѣ; эта, оставшись послѣ мужа, имѣла отъ него двухъ дочерей: мать мою Екатерину и тетку Елену, меньшую. Они жили за Яузою, въ приходѣ Алексѣя митрополита, въ своемъ домѣ, теперь Алексѣевыхъ. . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Не знаю, долго-ли продолжались переговоры и какъ дѣло шло—только они женились 31 генваря 1805 года, а ноября 25-го 1805 года я родился.

. . . . Въ день имянинъ матери, у нихъ были гости, танцовали и поздно легли, а къ утру родился я и названъ Николаемъ въ честь Николаю Семеновичу Мордвинову, благодѣтелю отца моего. Бабушка была обрадована несказанно и черезъ шесть недѣль взяла меня по старинному обычаю въ баню: у ней въ саду была своя; а потомъ и удержала у себя на воспитаніи до 1812 года. Конечно, это странно, что меня уступили старухѣ, но объясняю все молодостію матери. . . . Шесть лѣтъ жизни провелъ я у бабушки, среди старухъ и женщинъ, и первыя мои впечатлѣнія были ничтожны, какъ и жизнь меня окружавшая. Опишу ее, чтобы дать понятіе о житьѣ тогдашней купчихи-вдовы, съ состояніемъ и безъ образованія, за Яузою. Надобно войдти въ подробности. Трехъ-этажный каменный домъ въ пять оконъ па улицу, безъ фасаду, съ довольно плоскою крышею, вѣроятно, изъ экономіи на желѣзо. Нижній этажъ весь со сводами, въ окнахъ толстыя извивающіяся желѣзныя рѣшотки. Во дворъ тоже пять оконъ, такъ что домъ образовалъ родъ ящика. Вотъ расположеніе нижняго этажа: кухня, окна на улицу два или три, за нею другая комната по улицѣ же, называвшаяся холодною, гдѣ стоялъ катокъ; плиты не было; далѣе во дворъ кладовая со сводами и дверь въ нее подлѣ кухонной, потомъ парадное крыльцо и липовая лѣстница вверхъ, и еще комнаты или подвалы—не знаю. Замѣчательно, что въ кладовой, довольно низкой, подъ поломъ былъ еще сводъ для подвала совершенно въ землѣ и незамѣтно. Полагаю, что это было строено на случай пожара для укрытія, и въ послѣдствіи буду еще имѣть случай говорить о семъ подземельѣ. Четвертую часть дома во второмъ этажѣ занимали огромныя сѣни. Въ нихъ подымалась липовая лѣстница и изъ нихъ-же была такая-же, немного поуже, въ верхній третій этажъ. Сѣни, хотя были въ капитальныхъ стѣнахъ, были холодные; прямо противу лѣстницы былъ передній входъ, всегда запертой, въ крошечную, темную переднюю; изъ этой въ какую-то комнату въ два окна... небольшую, изъ этой въ залу, угольную комнату въ три окна на улицу и два на дворъ. Эта зала была лучшая комната въ домѣ и на лѣво отъ входа въ углу была украшена огромною изращатою печью, вся писанная, на ножкахъ, съ карнизами и фронтономъ. Въ противоположномъ углу печи, переднемъ, между простѣнками стояла огромная *кивотка* съ нѣсколькими рядами образовъ, расположенная складнемъ, краснаго дерева, и въ ней иконы въ богатыхъ окладахъ, ризахъ, низаныя жемчугомъ, передъ которыми теплилась лампада наканунѣ всякого праздника съ вечерень и во весь день праздничной. Стоя противу образовъ, у печки на суконцѣ, бабушка молилась отъ скуки каждой вечеръ, перебирая чотки, шептала молитвы и клала изрѣдка земной поклонъ; во всемъ домѣ господствовала тишина; женщины, служившія въ домѣ, шептались, повторяя другъ другу: «маменька молится», и это благоговѣйное молчаніе цѣлаго дома, тишина залы, озаренной только лампадою передъ иконами, шопотъ молитвъ—внезапно нарушались дребезжащимъ голосомъ бабушки, которая, вспомнивъ домашнее дѣло, восклицала въ другія горницы: «Анна, скажи Матвѣевнѣ не забыла-бы поставить опару». Полъ въ залѣ былъ досчатой, чистой, какъ новенькой, и устланъ половиками, а иногда усыпанъ бѣлымъ пескомъ или натертъ бѣлою глиною для вывода жирныхъ пятенъ; мебель старинная, цѣльнаго краснаго дерева, но неизящной формы; въ числѣ ея былъ замѣчателенъ стоявшій передъ диваномъ столъ на одной ножкѣ, круглой, края доски котораго были загнуты къ верху, чтобы ничто не соскользнуло, и вырѣзаны слегка круглыми городками; къ тому-же вся доска, лишь отогнешь подставку краснаго-же дерева, опускалась на одну сторону къ ножкѣ. Кромѣ этого стола, былъ въ залѣ еще одинъ, но только не ломберной, на которомъ я учился. За залою была еще комната, дѣвичья, въ одно окно, съ выходомъ въ сѣни, со столомъ въ видѣ прилавка, за нимъ шкапы въ стѣнѣ, замѣнявшіе буфеты; наконецъ угловая, спальня моей бабушки и тетки, съ ле-

жанкою, была наполнена разными камодами, сундуками, поставцами и образами. Бабушка спала со мною на двуспальной большой кровати, и часто, желая согрѣть любимаго внучка, сажала меня засыпать въ пазуху. Она баловала меня несказанно и кормила вареньями, постилами, черносливомъ, винными ягодами, но весьма рѣдко бывали у насъ конфекты, какъ издѣліе не русское, а басурманское, къ которому нельзя было имѣть довѣрія. Верхній этажъ дома съ окошками, которыя были больше въ ширину, нежели въ вышину, былъ расположенъ точно также, какъ и нижній, кажется потому, что всѣ стѣны внутри дома были капитальныя. Сѣни точно также занимали четвертую часть дома; за тѣмъ длинная комната надъ первою, безъ передней, (комнаты) надъ залою, дѣвичьею и спальнею. Двѣ первыя были завалены всякою всячиной, ибо верхъ не топился и былъ въ родѣ кладовой. Отличительная черта прежнихъ домовъ и образа жизни въ домашнемъ быту была та еще, что въ домѣ бывало множество кладовыхъ, почти столько-же, сколько жилыхъ комнатъ; а у бабушки и того болѣе: весь верхъ и двѣ кладовыя внизу, а жили только въ трехъ комнатахъ, ибо первая изъ передней отворялась при гостяхъ, и всѣ ходили изъ дѣвичьей въ сѣни. Какъ теперь вижу верхнія комнаты, возбуждавшія все мое любопытство. Онѣ, всегда запертыя, имѣли что-то таинственное. Отворятъ бывало разъ въ полгода, отыскивая что-нибудь, и вотъ увидишь эти мрачныя, запыленныя въ продолженіи многихъ лѣтъ окна, полузаставленныя коробами (картоновъ не знали, и я ихъ сталъ видѣть только послѣ 1812 года), старыми картинами или портретами, изломанными стульями, досками. Середи комнатъ во всѣхъ направленіяхъ сундуки и сундучки, потемненные временемъ, окованные или просто дубовые, старая сбруя, тесаки драгунскіе, ибо хозяинъ бывалъ подрядчикомъ, войлоки вмѣсто ковровъ, нитки на шестахъ, фонари, сушеные грибы, свертки полотна и холста, попоны, чьи-то сапоги, плошки, мѣшокъ крупичатой муки, бутыли съ уксусомъ и наливками, липеръ, перебитая фаянсовая посуда, словомъ всякой хламъ домашній, потому что бабушка все ненадобное припрятывала на черный день, неравно понадобится. Двѣ остальныя комнаты верха были порожнія; но замѣчателенъ былъ отгороженный въ сѣняхъ деревянный чуланъ Матвѣевны, жившей въ домѣ лѣтъ больше тридцати. Чего

тамъ не было! И какъ осторожно бывало эта старуха, всегда вздорливая, забиралась туда и, притворивъ дверь, разбирала свои сокровища, дрянь всякую, гдѣ прятались даже гвоздики, ремешки, веревочки, лоскутки. На дворѣ, на право отъ воротъ, былъ флигель, отдававшійся въ наймы (не помню какому-то купцу. У него въ домѣ былъ работникомъ парень Пашка Калмыкъ, рябой, краснорожій, босой, въ красной рубахѣ и порткахъ.) На улицу выходило три четыре окна, а задъ его во дворъ составляли службы; тутъ былъ погребъ съ навѣсомъ впереди, конюшня, гдѣ стояла бурая, единственная лошадь бабушки, которая возила и ее и все. Позади дома былъ сарай, гдѣ хранились дрожки съ фартуками и что-то въ родѣ коляски (которую не трогали); между сарая и службъ были рѣшотчатые вороты въ садъ прямо противу воротъ съ улицы. Садъ дѣлился прямою аллеею на пол(овин)ы, которыя въ свою очередь были разбиты квадратами и симетричными дорожками, заросшими травою. Тамъ не было ничего безполезнаго; яблони, вишни, смородина, малина, крыжовникъ, хрѣнъ, заря, калуферъ, божье дерево и синель: вотъ растительность сада. На лѣво отъ входа была осьмиугольная бесѣдка со множествомъ оконъ, лавками и столомъ по срединѣ. Середи сада на большой дорогѣ другая въ видѣ домика, а въ заду (въ концѣ) колодезь,... и къ сосѣдскому забору въ сторонѣ, заросшей крапивою, была баня, темная, тѣсная, таинственная, посѣщаемая только когда топится. Словомъ домъ бабушки съ кладовыми, сводами и толстыми стѣнами, одни ворота для входа, всегда запертые, уединенный садъ и всѣ домашнія угодья, заключенныя сосѣдними заборами, походили на феодальный замокъ, гдѣ можно было выдержать осаду и довольствоваться, не выступая вонъ. Народонаселеніе все состояло изъ женщинъ; первую роль послѣ хозяйки играла Матвѣевна, factotum въ домѣ. Она смотрѣла за хозяйствомъ, выдавала муку, крупу, овесъ, припасы, ворчала въ кухнѣ и бранилась со всѣмъ домомъ по преимуществу. Кормила меня, крестила, оплевывала и вечерами разсказывала сказки. Бабушка всегда совѣтовалась съ нею по хозяйству, ибо она рубила капусту, солила солонину и огурцы, варила медъ и варенье, разумѣется, медовое изъ домашней ягоды. Сверхъ того въ домѣ было нѣсколько женщинъ: кухарка баба, дѣвки горничныя, купленныя на чужое имя, ихъ мать

старуха Алена, и всегдашнія гости въ видѣ крестницъ, дьячихъ и тому подобн. (*) Только одинъ мущина былъ во всемъ домѣ—дворникъ Данила, старикашка некошной, маленькой, плутоватый, который тоже давно жилъ въ домѣ и былъ кучеромъ, дворникомъ и садовникомъ. Онъ суетился около бабушки и бабъ, угождая всѣмъ и былъ себѣ на умѣ, какъ выйдетъ далѣе.

Помню ребенкомъ, когда близилась на Русь война Наполеонова, слывшаго тогда за-просто Бонапартомъ, помню, какъ бывало мы, т. е. я, Алешка Пановъ, крѣпостной мальчикъ отца, Андрюшка—тоже бабушкинъ и Пашка Калмыкъ, мальчикъ жильцовъ, игрывали въ саду, гдѣ сидѣлъ Данило, а мы дразнили его, какъ Бонапарта, и разбѣгались, когда онъ, подстерегши насъ, бросалъ въ ребятъ пустымъ буракомъ вмѣсто картечнаго выстрѣла. И въ играхъ нашихъ уже отражался ужасъ одного имени Бонапарта, про котораго шептали женщины, поплевывая. Помню и знаменитую комету 1812 года; изъ оконъ залы на улицу... на безоблачномъ, осеннемъ, синемъ, усыпанномъ звѣздами небѣ стояла она грозная, съ кулакъ величиною, хвостъ на лѣво, около двухъ сажень, широкій, блестящій, яркій, какъ и самое ядро. Помню, какъ мнѣ ребенку показывали ее въ окно и скоро отводили спать, чтобы не напугался. Сколько глухихъ и глупыхъ толковъ слышалось мнѣ про звѣзду съ хвостомъ между бабами и какъ таинственно изъ темной залы всѣ любовались и страшились ея. Не могу припомнить разсказовъ, они смутно толпятся въ моей памяти, и боюсь передавать ихъ, чтобы не смѣшать съ впечатлѣніями позднѣйшими. Одна общая мысль только господствовала—быть бѣдѣ, и поглядѣвъ на звѣзду, всѣ отходили отъ окна, крестясь и творя молитву.

Начинаю воспоминанія о первыхъ впечатлѣніяхъ моего образованія. Первымъ учителемъ моимъ былъ Александръ Кузьмичъ П—въ, собственно живописецъ

изъ вольноотпущенныхъ. Онъ училъ меня въ домѣ бабушки, гдѣ я жилъ до 6 лѣтъ, и началъ учить по пятому году такъ удачно, что пяти лѣтъ я умѣлъ уже читать и писать. Спасибо ему. При началѣ ученія, по странному предразсудку или понятію того времени думали, что ребенку необходимъ товарищъ, сверстникъ, для возбужденія соревнованія или, какъ тогда выражались, для охоты. Мысль ложная и непрaвственная по моему, ибо нельзя требовать, чтобы оба ребенка шли ровно, и превосходство одного, поставленное въ примѣръ другому, рождаетъ въ невинномъ дѣтскомъ возрастѣ два скверныя чувства, у одного зависти и уничиженія, у другого тщеславія и пренебреженія. Всегда почти ребенокъ быстрый, смѣтливый обгонитъ товарища, а при подобныхъ способностяхъ и почти всегда неразрывной съ ними воспріимчивости и легкости характера рождается тщеславіе, суетность. Но мысль, что ребенокъ учится съ товарищемъ охотнѣе, господствовала. Замѣчу, что въ бытность мою въ университетѣ соревнованіе, заставлявшее не отставать или отличаться, если и способствовало прилѣжанію, то всегда на счетъ нравственнаго чувства. Въ товарищи, за неимѣніемъ лучшаго, дали мнѣ крѣпостнаго мальчика отца моего, по имени Алешку, по прозванію Попова. Замѣтьте, что отецъ мой былъ купецъ и слѣдовательно не имѣлъ права владѣть себѣ подобными; но, не смотря на свободный образъ мыслей отца, любимымъ чтеніемъ котораго были издаваемыя въ ту пору въ переводахъ и даже на его счетъ сочиненія Вольтера, не смотря на пріязнь съ извѣстнымъ либераломъ и минералогомъ Ситниковымъ, духъ времени или понятія были таковы, что стыдно было порядочному человѣку не имѣть своихъ дворовыхъ. Пріобрѣтеніе было дешево. Дворянство......... ежедневно, продавало людей, семью, мальчика, дѣвочку, лакея, кучера, повара, бабу,..............................

....

а средній классъ, трудясь, тихо и незамѣтно пріобрѣталъ капиталы и имѣлъ всѣ средства покупать людей, разумѣется, на чужое имя, приписывать къ домамъ, и такъ далѣе. Людей дарили въ имянины, въ знакъ пріязни. У насъ было такихъ нѣсколько. Не знаю, гдѣ и когда отецъ пріобрѣлъ двѣ семьи....

....

.... И такъ изъ

(*) На другомъ листѣ это мѣсто изложено такъ: «и необходимыя старухи, бабы, дѣвки, которыя гостили, врали, сплетничали, кланялись бабушкѣ и которыхъ она сажала за столъ и послѣ обѣда допускала къ ручкѣ, а иныя кланялись и въ землю за добродѣтель ея... Нѣсколько собакъ дополняли это животное царство, не считая кошки тетушкиной, другой въ кухнѣ и множества голубей и куръ.»

семьи Ивана Попова старшій сынъ Алексѣй былъ мнѣ данъ въ товарищи. Еще слово въ извиненіе обычая того времени покупать людей. Не кого было имѣть для прислуги, не было еще класса свободныхъ лакеевъ; можно только было нанять работника, работницу, а горничныя и слуги образовывались только въ господскихъ домахъ, и кто желалъ имѣть ловкую прислугу —долженъ былъ купить ее.

Ученью, что называлось грамотѣ, я былъ способенъ и меня заставляли учить Алешку для поощренія. Метода скверная. Бывало я важничаю передъ нимъ за азбукою, а потомъ выходимъ играть въ садъ и тутъ Алешка становится профессоромъ и учитъ меня играть въ бабки, кляпы и прочее. Учитель ходилъ чуть-ли не ежедневно, занимался часъ, два, а потомъ своя воля. Что я училъ, какъ училъ—ничего не помню. Вотъ всѣ мои воспоминанія дѣтства, да надо прибавить еще, что бабушка, водила меня каждое воскресенье и праздникъ въ церковь, гдѣ мы стояли всегда у праваго перваго окна отъ входа и гдѣ я долженъ былъ нетерпѣливо (вы)стоять долгую обѣдню...........
....
.... Бывало за обѣднею, скучая и ничего не понимая, зову домой бабушку, а она въ утѣшеніе нетерпѣливаго внучка говоритъ: «вотъ скоро, вотъ Отче нашъ!» Такъ узналъ я молитву Господню; не за наказаніе, а для награды должно водить ребятъ въ церковь. Если они скучаютъ тамъ, неблаговѣйно смотрятъ на священнослуженіе, горе! Съ молитвою, храмомъ, попомъ, обѣднею сливается чувство скуки, досады, непріятнаго, и это дурное впечатлѣніе остается на всю жизнь. Трудно разсудку и чувству религіозному впослѣдствіи побѣдить вліяніе съ дѣтства. Все кажется, что обрядъ излишенъ, все таится желаніе измѣнить, упростить его, сдѣлать доступнѣе и понятнѣе, а съ этими мыслями не дружится одушевленіе религіозное.

Живучи и учась грамотѣ, я не слыхалъ названія ни одной науки, и такъ наступила грозная эпоха 1812 года.

—